

Памятник «Чжуанцзы»: расчитывание синтаксической структуры предложений и прояснение ролевой структуры события

Н.И. Крицук-Тарасов

Статья посвящена синтаксическому анализу предложений древнекитайского языка (на примере текста «Чжуанцзы») с опорой на модель мира и семантику. В статье определяются способы восстановления свернутых элементов и имплицитных ролей в условиях недостатка экстралингвистического контекста, свойственного древним текстам.

Ключевые слова: древнекитайский язык, синтаксический анализ, модель мира, семантика, эксплицитность, имплицитность, поверхностный синтаксис, виртуальная цепь, языковая картина мира.

The article examines the syntactic analysis of Ancient Chinese sentences (using the «Zhuangzi» text as an example) based on a model of the world and semantics. It identifies methods for reconstructing convoluted elements and implied roles in the absence of extralinguistic context, which is inherent in ancient texts.

Keywords: ancient Chinese language, syntactic analysis, a model of the world, semantics, explicitness, implicitness, surface syntax, virtual chain, linguistic picture of the world.

Человек как биосоциальное существо способен устойчиво существовать только в «специализации» и «кооперации» [1, с. 21] с другими людьми. Для этого необходимо упорядочение человеческой интеллектуальной деятельности, которое позволит достичь оптимальности противоположных стратегий: когнитивных – полнота описания «модели мира (скрытого знания)» [2, с. 226–228] и скорость оперирования ею, – а также коммуникативных – свёртка высказывания для «экономии времени и мускульной энергии» (принцип экономии А. Мартине) [3] и развёртка высказывания или «избыточность как “встроенная гарантия”, которая позволяет получить правильное сообщение, даже если какая-то его часть потеряна или искажена» [4] («принцип запаса прочности» [5, с. 27]).

В предыдущих исследованиях по эксплицитности и имплицитности языковых категорий мы выдвигали гипотезу «общечеловеческого базиса» [6, с. 19]. Она предполагает единообразие *внутреннего кодирования* как инструмента, но это не обязательно ведет к единообразию как *языковых картин мира (открытого знания)*, так и выделения *стереотипов в копии мира* и построению на их основе *моделей мира*, для декодирования которых служат *языки*, реализуемые в *речи*, при условии понимания терминов по А.Н. Гордею [2, с. 226–227].

Следовательно, основная цель наших исследований – получение комплексного метода, который позволит определять 1) внутреннюю структуру языковых конструкций на основе их реализации в речи, реконструируя свёрнутые элементы; 2) ролевую структуру события через соотнесение языковых конструкций с моделью мира, проясняя имплицитные роли (основные задачи).

Как известно, «металингвистическая операция или предикация» – это «установление одно-однозначного соответствия между синтаксисом и семантикой, при котором каждая роль частей языка в предложении отображается в каждую роль индивида в выделенном фрагменте модели мира» [7, с. 13]. В данном ракурсе самым очевидным видится определение членов предложения и соотнесение их с ролями индивидов через модель мира (скрытое знание).

Однако по отношению к текстам древнекитайского языка (включая памятник «Чжуанцзы») мы сталкиваемся с объективными сложностями в определении подобного «одно-однозначного соответствия», очевидного для создателей текста: это тексты с неустановленной для современных исследователей «внеязыковой действительностью» [8, с. 160] или «экстралингвистической ситуацией» [8, с. 177], которую более точно в нашем случае будет называть «экстралингвистическим контекстом». Следовательно, такие тексты могли создаваться в условиях, существенно и принципиально отличающихся от наших. А значит, устранение

синтаксической неполноты предложения будет в определенной степени допущением. Тем не менее, исходя из имеющихся у нас культурно-исторических данных и с опорой на общечеловеческую универсальность, мы все-таки имеем возможность решить основные задачи исследования по отношению к таковым текстам.

Учитывая вышесказанное, мы должны выработать непротиворечивую схему устранения синтаксической неполноты предложений памятника. Для более точного описания исследовательского процесса обозначим: синтаксис как «упорядоченность языковых структур и техника (алфавит и правила) их построения и преобразования» может быть представлен тем, что выражено в речи – поверхностной синтаксической структурой – и тем, что подразумевается в языке – виртуальной цепью [5].

Как известно, в синтаксисе «отношения между словами должны быть эксплицитными или эксплицируемыми путем преобразований» [9, с. 15]. А к примеру, на уровне словообразования «двухкомпонентность ... всегда присутствует: в явном (*большая дорога*), свернутом (*большак*), в скрытом (*тракт*) виде» [9, с. 133]. Развивая понятия эксплицитности и имплицитности и систематизируя их в области семантического синтаксиса и комбинаторной семантики, мы отмечаем, что роли индивидов могут быть частично или полностью эксплицитными или имплицитными. Под экспликацией мы будем понимать прямое выражение ролей индивидов в членах предложения на уровне поверхностной синтаксической структуры, то есть выражение субъекта в подлежащем, акции – в сказуемом, а объекта – в прямом дополнении. Пример полной экспликации ролей индивидов – предложение современного китайского языка 我有书 wǒ yǒu shū у меня есть книга ('я имею книгу'), где субъект 'я' выражается в подлежащем 我 wǒ, акция 'иметь' – в сказуемом 有 yǒu, а объект 'книга' – в прямом дополнении 书 shū.

Под «частичной экспликацией», «частичной импликацией» и «(полной) импликацией» мы будем подразумевать меньшую степень выраженности ролей индивидов в поверхностной синтаксической структуре и виртуальной цепи: импликация – полное отсутствие выражения ролей индивидов, частичная импликация – не прямое выражение ролей индивидов в поверхностной синтаксической структуре, а частичная экспликация – прямое выражение ролей индивидов в виртуальной цепи при их сворачивании в поверхностно синтаксической структуре. В качестве примера рассмотрим отрывок из «Чжуанцзы» 其名為鯀 qí míng wéi Kūn eē [рыбу] зовут Кунь ('ее [рыбы] имя есть Кунь'). Поскольку исследователями не была установлена важность имени в Древнем Китае, сопоставимая с таковой в Древнем Египте [10], вероятнее всего 名 míng 'имя' не воспринималось в древнекитайских текстах как субъект. Таким образом, фрагмент модели мира, закодированный в данном отрывке, может расшифровываться как «Люди (субъект) [именем] “Кунь” (инструмент) именуют (акция) его (объект)». 'Люди' (субъект) полностью имплицирован. 'Она [рыба]' (объект), 'именуют' (акция) и '[имя] Кунь' (как инструмент) частично имплицированы, поскольку в структуре предложения 其 qí 'ее' является определением к подлежащему, а не подлежащим; 名 míng 'имя' – подлежащим, а не сказуемым; 鯀 Kūn '[имя] Кунь' – прямым дополнением, а не «инструментом блока сказуемого» [6, с. 8, 46] (разновидность косвенного дополнения).

1. Синтаксический анализ с опорой на модель мира, стандартное и эталонное предложения.

Для упрощения описания «синтаксический анализ с опорой на модель мира» ниже будем называть «синтаксический анализ».

Синтаксическая структура предложений устанавливается через виртуальную цепь древнекитайского языка [6, с. 116], которая периодически уточняется по мере накопления эмпирического материала. Для точного определения синтаксической структуры нам необходимо рассматривать такие предложения, в которых она представлена в наиболее явном виде. Поскольку, «трансформацией в комбинаторной семантике называется любое изменение синтаксиса предложения с сохранением исходного набора корневых морфем» [5, с. 28], следовательно, нам требуется определение «исходного предложения». «Исходным считается повествовательное утвердительное положительное и нейтральное предложение, к которому последовательно сводятся все трансформы предложений» [5, с. 29]. Что касается «метатрансформаций»

[5, с. 29], то «реверсивная, парадигматическая, инверсивная и темпоральная трансформации относятся к верхнему уровню универсальных лингвистических преобразований» [5, с. 29–30]. Таким образом, в качестве **стандартных предложений** мы рассматриваем «исходные предложения» с трансформациями «верхнего уровня универсальных лингвистических преобразований».

Важно отметить: «В силу того что в ядре языковой системы лежат семантические примитивы, следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, соблюдая строгие требования очерёдности, наглядности и простоты, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются на первом или, максимум, на втором вхождении, потому что чем глубже рекурсия и сложнее реконструкция, тем большая вероятность ошибки» [5, с. 34]. Это означает, что **эталонными предложениями** для проведения синтаксического анализа являются предложения, представленные в тексте в стандартном виде и не требующие применения процедур реконструкции и рекурсии (в статье используются сокращения и условные обозначения, применявшиеся в исследованиях ранее [6, с. 7–12, 57–58]):

今子有大樹 jīn zǐ yǒu dàshù *Сегодня у Вас есть большое дерево.*

今+子+有+[大+樹] jīn + zǐ + yǒu + [dà + shù]

ОВ + П + Ск + Оп + ПД

Сегодня + **почтенный** <г. е. Вы> + **имеет** + [большое + дерево].

今子有五石之瓠 jīn zǐ yǒu wǔ dàn zhī hù

Сегодня у Вас есть тыква |объемом в| пять камней.

今+子+有+[五+石]+之+瓠 jīn + zǐ + yǒu + [[wǔ + dàn] + zhī + hù]

ОВ + П + Ск + [$\checkmark$ >[Оп]<]^{701.a} + ЗАС^{701.a}-之 + ПД

Сегодня + **почтенный** <г. е. Вы> + **имеет** + [$\checkmark$ >[Оп]<]^{701.a} + ЗАС^{701.a}-之 + **тыкву**].

[Оп]: Оп_{0.1} + ПД_{0.1}

[Тыквы объем есть] пять + **камней** <«дань» или «ши», дословно ‘камень’, мера объема>

Однако эталонные предложения составляют меньшую часть от всех предложений в «Чжуанцзы», даже без учета синтагм. Отсюда возникает необходимость вырабатывания схемы, позволяющей определять синтаксическую структуру не только эталонных, но и прочих предложений. Исходя из определения, эталонное предложение представлено в стандартном виде и не требует процедур реконструкции и рекурсии. Следовательно, для правильности анализа нам необходимо преобразовать имеющееся предложение в стандартное с рекурсивным реконструированием опущенных элементов.

При применении «процедур реконструкции и рекурсии» [5, с. 34], а также «трансформационного и проспективного методов» [5, с. 34, 36] мы не можем исключать вероятную неоднозначность синтаксического анализа, что обусловлено неустановленностью экстралингвистического контекста у «Чжуанцзы», а как известно, «не система естественного языка интерпретирует мир, а модель мира интерпретирует естественный язык» [11, с. 5].

К примеру, предложение 北冥有魚 Běimíng yǒu yú *в северном океане есть рыба* представлено в стандартном виде, а 北冥 Běimíng ‘северный океан’ является наименованием какого-то места. Скорее всего, данная номинативная единица обозначает локус, выраженный обстоятельством места, а 天 Tiān ‘Небо’ или 道 Dào ‘Дао’, выводимые рекурсивно, – частично эксплицированный субъект, выраженный подлежащим. Сравните в современном китайском: 桌子上[某人]有书. Zhuōzi shang [mǒu rén] yǒu shū. *На столе [у кого-то] есть книга* (‘на столе [некие люди] имеют книгу’). Ниже в случае неоднозначности установления субъекта мы будем писать «некий субъект».

Однако мы не можем исключать вероятность того, что 北冥 Běimíng ‘северный океан’ обозначает выраженного в подлежащем субъекта. Как и, вероятно, исследуемому тексту, художественной литературе в отдельных случаях свойственен антропоморфизм: определенные явления могут восприниматься и как локус, и как субъект. Один из ярких примеров представлен в отечественной литературе: в сказке «Крыніца» Якуба Коласа гора (локус) для родника воспринимается как мать, давшая жизнь (субъект) [12, с. 500]. Примером же фактического совпадения субъекта и локуса является мать для своего ребенка до его рождения.

Таким образом, номинативная единица 北冥 Běimíng, скорее всего, выполняет роль обстоятельства места. Но не обладая полнотой сведений о древнекитайской картине мира, мы

не можем исключать вероятности того, что она выполняет роль подлежащего, отображаемого в субъект и локус одновременно. Таким образом, мы имеем два варианта разбора предложения, при первом из которых подлежащее выводится рекурсивно (следует понимать, что для носителя древнекитайской модели мира вариант разбора был один и он был очевиден):

[北+冥]+有+魚 [Běi + míng] + yǒu + yú

1) [Оп + ОМ] + [П] + Ск + ПД

<В> [северном + океане] + [некий субъект] + имеет + рыбу.

2) [Оп + П] + Ск + ПД

[Северный + океан] + имеет + рыбу.

Мы полагаем, что подобные возможные варианты также требуется учитывать. Иначе существует вероятность «домысливания» синтаксической структуры предложений на основе современного экстралингвистического контекста. Один из вариантов может быть в большей или меньшей степени вероятен, что подтверждается комбинаторными статистическими данными. К примеру, в вышеприведенной ситуации мы склоняемся к тому, что 北冥 с большей долей вероятности является обстоятельством места, а не подлежащим:

楚之南有冥靈者 Chǔ zhī nán yǒu mínglíng zhě

На юге ¿княжества? Чу есть Минлин <дословный перевод уточняется>.

Здесь 者 используется как ЗАС^{702.в} 者, то есть ЗАС, оформляющий подлежащее или определение к подлежащему при опущенном подлежащем [6, с. 58], поскольку в оригинальном тексте 冥靈 mínglíng не только прямое дополнение к предложению выше, но и подлежащее к предложению, следующему за ним.

[楚+之+南]+有+者[>冥+靈<]^{702.в} + 者 [Chǔ + zhī + nán] + yǒu + zhě[> míng + líng <]^{702.в} + zhě
[Оп + ЗАС^{701.а} 之 + ОМ] + [П] + Ск + 者[>[Оп + ПД]<]^{702.в} + ЗАС^{702.в} 者.

<На> [Чу<ского ¿княжеств-?> + <-а> + юге] + [некий субъект] + имеет + [Мин + лин-] + -овую <сущность>.

В данном случае 南 ‘юг’ не рассматривается нами как субъект, выраженный в подлежащем, поскольку здесь речь, скорее всего, идет о южной части или княжества Чу или иного региона с подобным названием. Тем не менее, рассмотрение в данном предложении [楚+之+南] [Chǔ + zhī + nán] как обстоятельства места с определением к нему не свидетельствует о том, что во всех схожих ситуациях соответствующий член предложения перед сказуемым непременно является подлежащим.

2. Синтаксический анализ предложения с опорой на семантику, степень приоритета вариантов разбора.

Для упрощения описания «синтаксический анализ с опорой на семантику» ниже будем называть «семантический анализ».

Семантический анализ (прояснение ролевой структуры события) однозначно является более сложной задачей: опора на современную модель мира, обоснованная гипотезой общечеловеческой универсальности, при осуществлении анализа может приводить к ошибкам. Следовательно, необходимо выработать комплексный метод, способный минимизировать ошибочность разбора.

«Чжуанцзы» является древним текстом, сформированным на ранних этапах существования китайской письменности и китайского языка. Поэтому мы полагаем, что тексту «Чжуанцзы» куда в меньшей степени, чем текстам, написанным на современном этапе развития языка, свойственно наличие «пустых» синтаксических конструкций. А именно синтаксических конструкций, тяготеющих к имплицитности, вызванной изменением модели мира носителей определенного языка при сохранении изначальных языковых и речевых паттернов. К примеру, грамматическая категория рода в индоевропейских языках, согласно одной из версий, «в реконструированном праиндоевропейском – это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами» [13, с. 92]. А «осно-

ванием для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения» [13, с. 92].

Исходя из этого, мы предлагаем два подхода семантического анализа. Первый – с опорой на «базовую» модель мира с учетом иных источников периода создания памятника (исторических, литературных и т. д.). Второй – с опорой на языковую картину мира.

Первый подход требует приведения предложения в стандартный вид. Прояснение ролевой структуры события происходит с опорой на обобщенную современную модель мира с учетом внеязыковых данных: многие несовпадения современной и древнекитайской моделей мира могут быть обусловлены объективными причинами, в том числе различиями в знаниях о копии мира [2, с. 226] и их спецификой.

今子有大樹 jīn zǐ yǒu dàshù *Сегодня у Вас есть большое дерево.*

Ct + S + A + [⟨SAO⟩_o + O]

Сегодня + **Вы** + **имеете** + [большое + дерево].

Субъект, акция, объект и локус полностью эксплицированы.

北冥有魚 Běimíng yǒu yú *В северном океане есть рыба.*

[⟨SAO⟩_{Ls} + Ls] + Ø {семантически акция не выражена в сказуемом} + O~S

[В Северном {⟨SAO⟩_{Ls}} + океане {Ls}] **рыба {S} размещает {A} себя {O}**

Субъект частично имплицирован, акция имплицирована, объект и локус полностью эксплицированы.

Подобные предложения корректно рассматривать как «взаимодействие частей внутри индивида ... взаимодействие отдельных индивидов на микроуровне» [7, с. 13]. Именно такой вариант актуален для аналогичных предложений в современном китайском языке: 屋子里有人 wūzi lǐ yǒu rén *в комнате есть люди* ('в комнате имеются люди'). Для носителя современного китайского языка очевидно, что в подобных предложениях 'люди' (субъект) выражается в прямом дополнении 人 rén, а не в опущенном подлежащем, а 屋子 wūzi является статическим обстоятельством места (дополнительно подтверждается наличием послелoga).

Тем не менее, в связи с неустановленностью экстралингвистического контекста данный подход не может претендовать на абсолютную точность. Поэтому мы предлагаем параллельно проводить семантический анализ с опорой на языковую картину мира или на прямую интерпретацию синтаксических конструкций, корректируемую эмпирическими данными, полученными в ходе исследования. Как и при первом подходе, нам прежде всего требуется привести имеющееся предложение в «стандартный вид», с учетом различных возможных вариантов рекурсивно реконструируемых элементов.

北冥有魚 Běimíng yǒu yú *В северном океане есть рыба.*

Как уже отмечалось нами ранее, возможны два варианта синтаксического разбора данного предложения (см. выше). Следовательно, при семантическом разборе с опорой на языковую картину мира мы имеем, как минимум, два возможных варианта:

1) [⟨SAO⟩_{Ls} + Ls] + |S| + A + O

[В Северном {⟨SAO⟩_{Ls}} + океане {Ls}] **некий субъект {S} размещает {A} рыбу {O}**

Все указанные роли индивидов полностью эксплицированы, кроме субъекта (частично эксплицирован). Подобный вариант семантического разбора является непротиворечивым и для иных подобных предложений «Чжуанцзы».

2) [⟨SAO⟩_{S~Ls} + S~Ls] + A + O

[Северный {⟨SAO⟩_S} + океан {S}] в себе {Ls} **размещает {A} рыбу {O}**

Во втором варианте 'океан' рассматривается не только как локус, но и как обладатель силы данного локуса, его хозяин, сравните: лес – леший. Но если «леший» не может восприниматься как локус, то «океан» или «лес», как и «гора» в рассказе «Крыніца», упомянутом нами ранее, может восприниматься и как локус, и как субъект. Таким образом, мы можем предположить, что во времена формирования «Чжуанцзы» в модели мира возможно антропоморфное описание события, при котором происходит совпадение субъекта («хозяин» локуса) и локуса.

Тем не менее, подобный подход требуется применять с осторожностью, поскольку опора исключительно на языковую картину мира может приводить к домыслам, что лучше

продемонстрировать наглядно. При синтаксическом разборе предложения 楚之南有冥靈者 Chǔ zhī nán yǒu mínglíng zhě *На юге ¿княжества? Чу есть Минлин* мы рассматривали [楚+之+南] [Chǔ + zhī + nán] как [Оп + ЗАС^{701.a} 之 + ОМ], отмечая, что 南 ‘юг’ не рассматривается нами как субъект. Предположение о том, что 楚之南 Chǔ zhī nán может обозначать субъекта, представляется совершенно необоснованным. При этом как в предыдущем, так и в этом предложениях ключевых различий в синтаксических конструкциях не наблюдается. Видимых же причин, чтобы с точки зрения языковой картины мира воспринимать 北冥 Běimíng и 楚之南 Chǔ zhī nán как различные члены предложения, нет.

Помимо этого, при подобном подходе требуется комбинаторная статистическая корректировка. Для вышеприведенных предложений такая корректировка указывает на вероятность взаимодействия отдельных индивидов на микроуровне:

藐姑射之山，有神人居焉 Miǎogūyè zhī shān, yǒu shén rén jū yān

На горе Мяогуе [14] проживают святые.

[[藐 + 姑 + 射] + 之 + 山] + 有 + [神 + 人] + 居 + 焉

[[Miǎo + gū + yè] + zhī + shān] + yǒu + [shén + rén] + jū + yān

1) [Оп + ЗАС^{701.a} 之 + ОМ₁] + |П₁| + С_{к1} + [Оп + ПД₁~П₂] + С_{к2} + КЧ^{704.a} 焉

2) [Оп + ЗАС^{701.a} 之 + П₁] + С_{к1} + [Оп + ПД₁~П₂] + С_{к2} + КЧ^{704.a} 焉

Независимо от вариантов синтаксического разбора, наличие С_{к2} ‘проживать’ указывает на следующий возможный вариант семантического разбора:

[<SAO>_{Ls} + ЗАС + Ls] + Ø {связь S и Ls} + <SAO>_{S~O} + S~O + A + ЗАС {отсылка к Ls}

[На Мяогуе {<SAO>_{Ls}} + горе {Ls}] [святые {<SAO>_{S~O}} люди {S}] размещают {A} себя {O}

В результате у нас возникает несколько потенциальных вариантов семантического анализа предложения: 1) взаимодействие отдельных индивидов на микроуровне (возможно согласно обоим подходам), 2) рекурсивно реконструируемый субъект (возможен согласно анализу через языковую картину мира) и 3) совпадение субъекта и локуса (возможен согласно анализу через языковую картину мира в отдельных случаях). Приоритетным вариантом семантического разбора является первый, поскольку он возможен и не противоречив при обоих подходах. Также не исключено сочетание 1-го варианта со 2-м или 3-м: непосредственно субъект выражен во всех случаях прямым дополнением (в последнем предложении – ПД₁~П₂), а опущенное подлежащее (при 2-м варианте) отображается в «метасубъект» (‘Небо’, ‘Дао’) или возможно (при 3-м варианте), но не для предложения *На юге ¿княжества? Чу есть Минлин*, подлежащее одновременно отображается в субъект («господин» локуса) и локус.

Благодаря семантическому разбору с применением двух вышеуказанных подходов мы получаем несколько потенциально возможных вариантов разбора предложения. Сравнивая результаты обоих подходов, мы выстраиваем их в порядке от вариантов с наибольшим приоритетом к наименьшему. Это не дает нам одного однозначного варианта семантического разбора, но не владея сведениями об экстралингвистическом контексте «Чжуанцзы», как и иных подобных текстов, мы не имеем возможности однозначно констатировать достоверность синтаксического, а тем более семантического разбора. Поэтому нам и требуется такая схема анализа при семантическом разборе, которая позволит перечислить все возможные варианты в порядке **приоритетности**.

Таким образом, памятник «Чжуанцзы» является текстом с неизвестным нам экстралингвистическим контекстом, что требует учета всех возможных интерпретаций при синтаксическом анализе. Роли индивидов могут быть полностью или частично эксплицированы или имплицированы. При проведении синтаксического анализа с опорой на модель мира требуется перевод имеющегося предложения в стандартное с рекурсивной реконструкцией опущенных элементов при обязательном учете всех возможных вариантов рекурсивных реконструкций. Эталонные предложения являются основным источником эмпирического материала для верификации виртуальной цепи древнекитайского языка. При проведении синтаксического анализа с опорой на семантику возможно применение двух подходов – с опорой на «базовую» модель мира с учетом внеязыковых источников, а также с опорой на древнеки-

тайскую языковую картину мира (прямую интерпретацию синтаксических конструкций) с учетом комбинаторных статистических данных. Все полученные варианты разбора считаются возможными, но им присваивается различная степень приоритета.

Литература

1. Рослов, В. И. Основы экономики : учебник / В. И. Рослов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 322 с.
2. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сентября 2005 г. / РИВШ ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2005. – С. 226–229.
3. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III – С. 366–566.
4. Shannon, C. E. A Mathematical theory of communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27 – P. 379–423, 623–656.
5. Гордей, А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса / А. Н. Гордей // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. : в 2 ч. / МГЛУ ; редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – Вып. XII., ч. 1. – С. 25–37.
6. Крыцук-Тарасаў, М. І. Даследаванне экспліцытнасці і імпліцытнасці моўных катэгорый у старажытнакітайскай мове (на прыкладзе тэксту 莊子 «Джуандзы») : дыс. ... маг. усах. : 1-23 80 10 / Крыцук-Тарасаў Мікіта Іванавіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2022. – 116 с.
7. Гордей, А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 17 марта 2007 г. / Изд. центр БГУ ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и другие]. – Минск, 2007. – С. 12–18.
8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 350 с.
9. Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 190 с.
10. Zubov, A. B. Новый курс лекций по истории религий. Модуль 1. Древний Египет. Лекция 22 «Категория Имени» / А. Б. Зубов // Андрей Зубов. – URL: Лекция 22. Категория Имени (дата обращения: 03.12.2025).
11. Мартынов, В. В. О книге А.Н. Гордея «Дедуктивная теория языка» / В. В. Мартынов // Дедуктивная теория языка / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – С. 3–5.
12. Колас, Я. Крыніца / Я. Колас // Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск, 1973. – Т. 5 : Апавяданні 1918–1956 гг. і «Казкі жыцця». – С. 500–504.
13. Маньков, А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А. Е. Маньков // Вопросы Языкознания. – 2004. – № 5. – С. 79–92.
14. 漢典. – URL: <https://www.zdic.net/> (дата обращения: 25.10.2025).